

В серии «Мировые шедевры. Иллюстрированное издание»

Джек Лондон
Белый клык

Оскар Уайльд
Портрет Дориана Грея

Жюль Верн
Вокруг света за 80 дней

Михаил Булгаков
Мастер и Маргарита

Александр Пушкин
Евгений Онегин. Капитанская дочка

Эрих Мария Ремарк
На Западном фронте без перемен

Николай Гоголь
«Ревизор» и лучшие повести

Уильям Шекспир
Ромео и Джульетта. Гамлет

Артур Конан Дойл
Шерлок Холмс. Лучшие повести и рассказы

Марина Цветаева
Мне нравится, что Вы больны не мной

Эрнест Хемингуэй
Старик и море
Праздник, который всегда с тобой

Аркадий и Борис Стругацкие
Пикник на обочине

**Аркадий и Борис
Стругацкие**

**Пикник
на обочине**

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос = Рус)6
С87

Серия «Мировые шедевры. Иллюстрированное издание»

Вступительная статья и комментарии
Бориса Вишневского и *Марианны Алферовой*
Оформление обложки *Юлии Межовой*
В оформлении обложки использована фотография,
предоставленная *Андреем Стругацким*
Во вступительной статье использованы фотографии,
предоставленные *Андреем Стругацким* и *Борисом Вишневским*

Стругацкие, Аркадий Натанович и Борис Натанович

С 87 Пикник на обочине / Аркадий и Борис Стругацкие; вступ. ст. и коммент. Б. Вишневского и М. Алферовой. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 219, [2] с. — (Мировые шедевры. Иллюстрированное издание).

ISBN 978-5-17-099384-0

После взрыва на Чернобыльской атомной электростанции и создания вокруг нее тридцатикилометровой зоны отчуждения стали говорить о пророческом даре братьев Стругацких.

Культовое произведение советской фантастики, чей вымышленный мир во многом стал нынешней реальностью.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос = Рус)6

Подписано в печать 12.09.16.
Формат 70x100/16. Усл. печ. 18.06.
Тираж экз. Заказ № .

© Аркадий и Борис Стругацкие, наследники, текст, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Двойная звезда

Борис и Аркадий Стругацкие

Самые знаменитые (и самые читаемые) из отечественных фантастов — братья Аркадий и Борис Стругацкие — выросли в семье, которую они сами называли необычной даже для того необычного времени.

Их отец, искусствовед Натан Стругацкий, в 1916-м вступил в партию большевиков, в Гражданскую войну стал комиссаром в кавалерийской бригаде, а после демобилизации служил партийным функционером на Украине, где и познакомился с дочерью мелкого торговца Александрой Литвиничевой, вышедшей за него против воли родителей и проклятой ими за мужа-еврея. Семья переезжала с места на место — куда бросала партия. В 1925 году в Батуми родился Аркадий, а вскоре после его рождения Натан Стругацкий был направлен на партийную работу в Ленинград, и в 1933 году там же родился Борис.

Когда началась Великая Отечественная, Натан Стругацкий, работавший в Публичной библиотеке, пришел в военкомат, но по возрасту его не

взяли. Тогда в сентябре он записался в ополчение, где стал командиром роты. В начале 1942 года он был комиссован, как вспоминал Борис Натанович, «вчистую — опухший от голода, полумертвый, с останавливающимся сердцем». Аркадий, которому исполнилось 17 лет, участвовал в строительстве оборонительных сооружений и работал в мастерских, где производились ручные гранаты.

Вскоре появилась возможность эвакуации вместе с последней партией сотрудников Публичной библиотеки. Считалось, что малолетний Борис эвакуации не выдержит, и потому решено было разделиться: в январе 1942-го отец и Аркадий уехали, а Борис с матерью остались.

Долгое время они считали, что отец и старший брат погибли — от них не было никаких вестей. И только в августе 1942-го пришло письмо от Аркадия из Чкаловской (ныне Оренбургской) области. Выяснилось, что на Дороге жизни машина попала в полынь, но они с отцом сумели выскочить из

кузова, провалившись при этом по пояс в воду. Затем в 30-градусный мороз эшелон с эвакуированными восемь дней шел до Вологды, ехали в товарных вагонах, без отопления, по три-четыре дня без еды. Умерших в пути, как дрова, складывали в углы. Из тридцати человек, погрузившихся в вагон, живыми доехали только одиннадцать. Сколько выжило на самом деле, неизвестно. Натан Стругацкий в Вологде скончался.

В феврале 1943 года Аркадий ушел в армию, закончив Актюбинское минометное училище, и полагалось ему попасть летом 1943-го на Курскую дугу и погибнуть там вместе со всем своим курсом. Но случилось иначе: Аркадий стал слушателем японского отделения восточного факультета Военного института иностранных языков и до 1955 года служил на Дальнем Востоке. После демобилизации старший лейтенант Стругацкий вернулся в Ленинград, к матери и брату, уже учившемуся на математико-механическом факультете ЛГУ (до этого они виделись урывками — раз в год, когда Аркадий приезжал в отпуск). Борис, закончивший в 1950 году школу с серебряной медалью, хотел поступать на физфак, но принят не был. Вот что он рассказывал в одном из интервью:

«В последних классах школы я интересовался, главным образом, двумя дисциплинами. В первую очередь — физикой, во вторую очередь — астрономией. Физикой, естественно, атомной, ядерной. Тема тогда была модная, а мне как раз попало в руки несколько современных книг про атомное ядро и про элементарные частицы, и я их с наслаждением прочитал. Впрочем, „прочитал“ — сказано слишком сильно. Там были и достаточно популярные книжки, а были и вполне специальные монографии, начинавшиеся прямо с уравнения Шредингера, которое я и двадцать лет спустя воспринимал как самую высокую науку. Книги эти в большинстве достались мне по наследству от Аркадия Натановича, который тоже всеми этими вещами в конце 40-х очень интересовался. И астрономией я тоже увлекался, опять же следуя по стопам старшего брата, который еще до войны сам мастерил телескопы, пытался наблюдать переменные звезд-

*Борис и Аркадий Стругацкие
с матерью
Александрой Ивановной Литвиничевой*

*Борис и Аркадий
Стругацкие.
Ленинград, август 1949 г.*

ды, а меня заставлял рисовать Луну, как она видится в окуляре подзорной трубы... Но изначально поступал я все-таки не на мат-мех — поступал я на физфак. Я был серебряным медалистом и имел все шансы поступить благополучно, но однако же ничего у меня не получилось. Почему — я точно не знаю до сих пор. По тогдашним правилам, каждый медалист должен был проходить так называемый коллоквиум, собеседование, после которого ему без всяких аргументов объявлялось решение. В моем случае это решение было: „Не принят“. Это был 1950 год, медалистов собралось на физфаке человек пятьдесят, и только двоих не приняли. Меня и какую-то девочку, фамилии которой я не помню, но в памяти моей она ассоциируется почему-то с фамилией Эйнштейн. В общем, что-то там было не в порядке у этой девочки с фамилией... Почему не приняли? Есть два объяснения...

— Уже началась известная антисемитская кампания?

— Она не просто началась, она была в самом разгаре. И хотя по паспорту я числился русским, тот факт, что я Натанович, скрыть было невозможно, да и в голову не приходило — скрывать. Может быть, мама что-то и понимала в тогдашней ситуации, а я уж был полнейшим беспросветным лопухом. Так что, возможно, дело было именно в отчестве. Особенно если учесть, что на коллоквиуме я честно и прямо заявил, что хочу заниматься именно ядерной физикой. Это был, конечно, опрометчивый поступок.

— Насколько я помню, тогда в Советском Союзе ядерной физикой занималось очень большое число людей с аналогичными отчествами и фамили-

ями. Пожалуй, они даже составляли большинство в этой науке...

— Это так, но, видимо, были уже даны кому следует указания о том, что этих фамилий и отчеств вполне достаточно и пора бы это безобразие прекратить. (Позднее, помнится, это безобразие получило вполне бюрократическое определение: „засоренность кадров“.) Однако и другое объяснение тоже вполне возможно: как-никак, отец наш был исключен из партии в 1937 году, и в партии его так и не восстановили. Я ничего этого, правда, в анкетах нигде не указывал (да и вопроса соответствующего в тех анкетах, кажется, не было), но те, кому было положено, наверняка об этих моих обстоятельствах знали. Должны были знать, по крайней мере. И также знали они, конечно, что мой дядя Александр Стругацкий — родной брат отца — был расстрелян в 1937 году. Вот эти два фактора, скорее всего, и сыграли свою роль... Я был в отчаянии, как сейчас помню, — удар был тем более страшен, что ничего подобного я не ожидал вообще. Мама, помнится, пыталась найти каких-нибудь знакомых из тех, кто работал в ЛГУ, чтобы как-то похлопотать, ничего у нее не получилось, естественно, но тут кто-то из этих знакомых посоветовал: попробуйте мат-мех, там же есть астрономия, а мальчик астрономией интересуется... И я пошел на мат-мех. Там я тоже оказался в толпе медалистов, но на сей раз благополучно поступил, без всяких трудностей, если не считать того обстоятельства, что меня предварительно основательно помучили — вызвали на собеседование самым последним. Впрочем, все это уже были совершенные пустяки. Я не очень горевал, оставшись без

Борис Стругацкий.
1998 г.

своей ядерной физики: как-никак, астрономия тоже была моей любовью, пусть даже и второй, и впоследствии занимался я астрономией и математикой с большим удовольствием и прилежанием»¹.

Закончив университет, Борис поступил в аспирантуру Пулковской обсерватории и работал там над проблемой происхождения двойных и кратных звезд. Еще во время учебы он сделал довольно любопытную, по мнению его научного руководителя Кирилла Федоровича Огородникова, курсовую работу: она была связана с динамикой поведения так называемых широких звездных пар. Получился интересный результат, на основании которого Бориса и брали в аспирантуру — он должен был сделать на этом материале диссертацию.

В течение двух с половиной лет он ее писал, и все шло очень хорошо, но потом выяснилось (сам же Стругацкий и выяснил, роясь в обсерваторской библиотеке), что эту работу уже сделал в 1943 году американский астрофизик индийского происхождения Субраманьян Чандрасекар. Защищать стало нечего, новую работу за полгода до окончания срока начинать было бессмысленно. В результате, так и не написав диссертацию, Борис поступил

на счетную станцию Пулковской обсерватории, где проработал почти десять лет, до 1964-го. Ему приходилось иметь дело со счетно-аналитическими машинами, на которых производились научные расчеты. Это были гигантские электрические арифмометры, размером три метра в длину и полтора метра в высоту, которые страшно рычали, гремели и лязгали своими многочисленными шестернями, перфораторами и печатающими устройствами... Никакого программирования в то время, естественно, не существовало, было лишь так называемое коммутирование, изначально эти электрические гробы предназначались только для сложения и вычитания. Но их можно было все-таки научить умножению, делению и даже извлечению квадратного корня. Эта работа увлекла Бориса Стругацкого, и он занимался ею с большим удовольствием несколько лет. Но задолго до ухода из обсерватории его главным делом стала вовсе не астрономия. Как выше упоминалось, в июне 1955-го в Ленинград приехал демобилизовавшийся старший лейтенант Аркадий Стругацкий. Он уже имел «за плечами» написанную в соавторстве с Леонидом Петровым повесть «Пепел Бикини». Братья выяснили, что у них сходные взгляды на науку и

литературу — и что Борис давно уже мечтает писать.

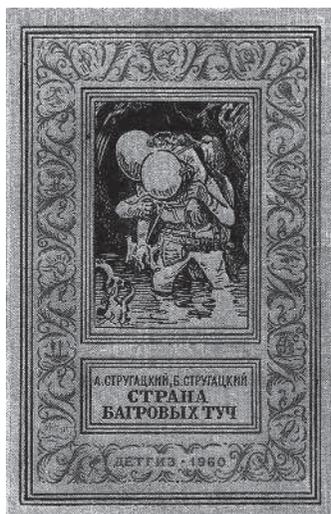
На следующий год Аркадий переехал в Москву, поступив работать в Институт научной информации, а затем перешел в Восточную редакцию крупнейшего в стране издательства художественной литературы — Гослитиздата. И именно в этом году Стругацкие написали свое первое научно-фантастическое произведение «Страна багровых туч». Оно было отдано в издательство «Детская литература» — и в 1959 году напечатано.

Конечно, для подавляющего числа поклонников Стругацких знакомство с ними началось со «Страны багровых туч». Именно с этой повести (как в свое время с «Пяти недель на воздушном шаре» у Жюль Верна) идеи АБС стали овладевать массами. Именно здесь впервые появились Алексей Быков, Владимир Юрковский, Михаил Крутиков и другие любимейшие наши герои. Наконец, именно за «Страну багровых туч» братья Стругацкие получили свою единственную за все времена и произведения премию от государства — третью премию «Конкурса на лучшую книгу о науке и технике для детей школьного возраста», в размере 5000 рублей. Как позже заметит Борис Стругацкий, «неплохие деньги по тем

¹ Из интервью Бориса Стругацкого Борису Вишневному.

Обложка первого издания романа
«Полдень, XXII век (Возвращение)».
1967 г.

Обложка второго издания повести
«Страна багровых туч».
1960 г.

Обложка первого отдельного
издания повести «Стажеры».
1962 г.

Обложка первого издания
повести «Далекая Радуга».
1963 г.

Обложка первого издания
повести «Хищные вещи века».
1965 г.

Обложка издания повести
«Понедельник начинается в субботу».
1965 г.

временам — четыре мамы зарплаты...» При этом и Аркадий, и Борис «Страну багровых туч» активно не любили, а Борис Стругацкий сперва даже категорически отказался включить эту повесть в первое в российской истории собрание сочинений АБС («текстовское»), и она вошла в один из двух дополнительных томов только под давлением общественности... Но так или иначе — тут-то и родился писатель «братья Стругацкие». И далее, как напишет потом Аркадий, «пошли книги», которые каждый уважающий себя любитель фантастики может перечислить, даже будучи разбужен ночью: 1960 — «Путь на Амальтею», «Шесть спичек», 1961 — «Возвращение (Полдень, XXII век)», 1962 — «Стажеры», «Попытка к бегству», 1963 — «Далекая Радуга», 1964 — «Понедельник начинается в субботу»...

Какими были братья Стругацкие в начале своего писательского пути? Сегодня это звучит удивительно, но тогда они оба были настоящими сталинцами! Считали, что все происходящее — правильно, а если и встречаются какие-то недостатки и неприятности — это неизбежно, не ошибается только тот, кто ничего не делает. Считали, что «лес рубят — щепки летят», коммунисты — настоящие люди, большевики — замечательные, дело наше правое, мы обязательно победим... Случаются, конечно, отдельные негодяи, которые мешают нам трудиться и побеждать: вот, вчера Берия был великий человек, а сегодня Берия — английский шпион... Это — не вольное изложение автора статьи, это — воспоминания самого Бориса Стругацкого. Избавление от «сталинщины» началось лишь незадолго до XX съезда КПСС — когда Аркадий Стругацкий женился на своей второй жене. Она была из семьи старинных русских интеллигентов, принявших русскую революцию от всего сердца и по которым эта революция проехала всеми колесами и гусеницами. «Лена все знала, все понимала с самых ранних лет, во всем прекрасно разбиралась, всему знала цену, — рассказывал Борис Стругацкий. — И она была первым человеком, который как-то поколебал мою идиотическую

убежденность — еще до Двадцатого съезда. Я помню бешеные споры, которые у нас с ней происходили, с криками, с произнесением сильных слов и чуть ли не с дракой. Помню, как Аркадий стоял между нами белый как бумага и уговаривал: ребята, опомнитесь, бросьте, все это чепуха, ерунда, не обращайтесь внимания, давайте лучше выпьем... Но мы с Ленкой продолжали бешено орать друг на друга: Ленка кричала, что все они (большевики то есть, молотovsky эти твои, кагановичи, ворошиловы) кровавые бандиты, а я кричал, что все они великие люди, народные герои... А потом наступил Двадцатый съезд, и мне было официально объявлено, что да, действительно, большая часть этих великих людей — все-таки именно кровавые бандиты. И это был, конечно, первый страшный удар по моему самосознанию. Да и венгерские события были в том же самом году и тоже оказали свое воздействие. Но вера в правоту дела социализма и коммунизма сохранялась у нас долго. „Оттепель“ способствовала сохранению этой веры — нам казалось, что наконец наступило такое время, когда можно говорить правду, и многие уже говорят правду, и ничего им за это не бывает, страна становится честной, чистой... Этот процесс „эрозии убеждений“ длился, наверное, до самых чешских событий 1968-го. Вот тогда и наступил конец всех иллюзий». Надо сказать, что братья Стругацкие — в обычном понимании — никогда не были диссидентами, антисоветчиками и героическими борцами с коммунистическим режимом. Но диссидентами очень часто становились их читатели, воспринимавшие у Стругацких тот самый, беспощадно караемый в Арканаре, «невосторженный образ мыслей» и учась подвергать сомнению казалось бы непреложные истины. Кроме того, бдительные советские критики все чаще и чаще уличали авторов в тех или иных непростительных ошибках. Так, в 1966 году газета «Известия» констатировала, что повесть «Трудно быть богом», «вышедшая после интересных и нужных первых книг „Страна багровых туч“ и „Путь на Амальтею“, к сожалению, не свидетельствует об идейном и художественном росте авторов». А в 1967 году журнал «Октябрь», возглав-

лявшийся Кочетовым, обвинял ту же повесть в том, что она может «бросить тень на самоотверженную помощь нашего государства освободительным движениям в малоразвитых и колониальных странах». Через два с лишним десятка лет Борис Стругацкий скажет: «Слухи о реабилитации Сталина возникли теперь чуть ли, не ежеквартально. Фанфарно отгремел смрадный и отвратительный, как газовая атака, процесс над Синявским и Даниэлем. По издательствам тайно распространялись начальством некие списки лиц, публикация коих представлялась нежелательной. Надвигалось 50-летие ВОСР (Октябрьской революции), и вся идеологическая бюрократия по этому поводу стояла на ушах. Даже самому изумрудно-зеленому оптимисту ясно сделалось, что „Оттепель“ „прекратила течение свое“ и пошел откат, да такой, что впору было готовиться сушить сухари... Сегодняшний читатель просто представить себе не может, каково было нам, шестидесятиникам-семидесятиникам, как беспощадно и бездарно давил литературу и культуру вообще всемогущий партийно-государственный пресс, по какому узенскому и хлипкому мосточку приходилось пробираться каждому уважающему себя писателю: шаг вправо — и там поджидает тебя семидесятая (или девяностая) статья УК, суд, лагерь, сизушка, в лучшем случае, занесение в черный список и выдворение за пределы литературного процесса лет эдак на десять; шаг влево — и ты в объятиях жлобов и бездарей, предатель своего дела, каучуковая совесть, иуда, считаешь-пересчитываешь поганые сребреники... Сегодняшний читатель понять этих дилемм, видимо, уже не в состоянии...» Все, что писали Стругацкие, подвергалось цензуре — и авторы демонстрировали чудеса ловкости, добываясь, чтобы и идея книги была сохранена, и содержание не изменилось до неузнаваемости. Один из ярких примеров — «Попытка к бегству», где впервые в их творчестве была сформулирована идея «прогрессорства» — работы представителей высокоразвитой цивилизации в «отсталых» мирах. И как же было не споткнуться цензуре, например, на мысли авторов о том, что для того, чтобы подвигнуть людей на изменение, начинать нужно с того,

Обложка журнала «Фантастика. 1962 год», в котором была опубликована повесть «Попытка к бегству»

Обложка издания «Трудно быть богом»

что «сеет у них сомнение в устоявшихся понятиях»? Или с того, что в концлагеря на планете Саула власть управляла «не понимающих установлений» и «желающих странного»? Да и главный герой «Попытки» Саул Репнин попал на планету после бегства не из немецкого (как в опубликованном варианте книги), а из советского лагеря (как было изначально написано у авторов). Идейное продолжение «Попытки» — «Трудно быть богом», где тема

прогрессорства выражена предельно точно¹, — была сразу же «растасчена» на цитаты, которые тоже не могли порадовать цензуру, хотя и были ею пропущены.

«Теперь не уходят из жизни. Теперь из жизни уводят». «Во тьме все становятся одинаково серыми». «Король, по обыкновению, велик и светел, а дон Рэба безгранично умен и всегда начеку». «Мерзко, когда день начинается с дона Тамзо». «Совершенно не вижу, почему бы даже благородному дону не получить пару розог от имени его преосвященства». «Умные нам не надобны. Надобны верные». И, наконец, блистательное: «Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные...»

Уже к выходу «Обитаемого острова» — первой части трилогии о Максиме Каммерере, впервые напечатанной в 1969 году в журнале «Нева», — и Стругацким, и их читателям стало ясно, что светлый и яркий «Мир Полудня XXII века», нарисованный в ранних книгах авторов, в нашей реальности вряд ли материализуется. Да и реальность давала для этого все необходимые доказательства: «хрущевская оттепель»

закончилась, и начался «брежневский застой». Тогда Стругацкие, по словам Бориса Натановича, «признались себе, что «никакое серьезное произведение опубликовано в ближайшие годы быть не может», и заставили себя быть циничными. В их понимании, это означало «учиться писать хорошо, но ради денег». Появились «Отель „У погибшего альпиниста“», «Малыш» — подчеркнуто «нейтральные» и «внеполитические» вещи. «Мы сами мучились мыслью, — скажет потом Борис Стругацкий, — что мы как бы занимаемся коллаборационизмом и против собственной воли поддерживаем — молчанием своим, внеполитичностью, добровольной своей самоустранимостью — этот поганый режим. Но мы уже не могли не писать. Нам казалось (как нашему герою Виктору Баневу из „Гадких лебедей“), что если мы перестанем писать вообще, то это будет ИХ победа...» Ждать возможности напечатать значимые для авторов книги пришлось до 1980-х годов: в 1970-е у АБС не вышло практически ни одной книги. А за публикацию «Сказки о Тройке» в журнале «Ангара» указанное издание

было немедленно закрыто. Пожалуй, единственным исключением был опубликованный в 1979 году «Жук в муравейнике» — продолжение «Обитаемого острова».

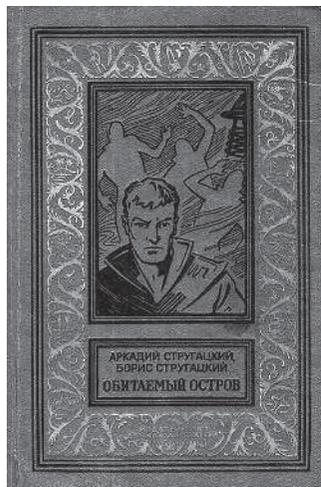
Наконец в 1980-м появился в «книжном» исполнении «Пикник на обочине» (в 1972 году он увидел свет в журнале «Аврора»). В 1986 году — написанная в течение 1970-х «Хромая судьба».

В 1987 году — созданные еще в 1967 году «Гадкие лебеди». В 1988-м — «Град обреченный» (написан в 1972-м). В 1985-м вышла третья часть трилогии о Максиме Каммерере — «Волны гасят ветер», в 1988 году — «Отягощенные злом», в 1990-м — «Жиды города Питера».

А потом наступил октябрь 1991-го, когда не стало Аркадия и писатель «братья Стругацкие» перестал существовать. О том, что они неотделимы друг от друга, Борис Стругацкий говорил не раз, называя это «медицинским фактом».

*Из интервью Бориса Стругацкого
Борису Вишневецкому:*

«Не существует двух авторов, Аркадия и Бориса Стругацких, которые писали вдвоем, есть один автор — братья

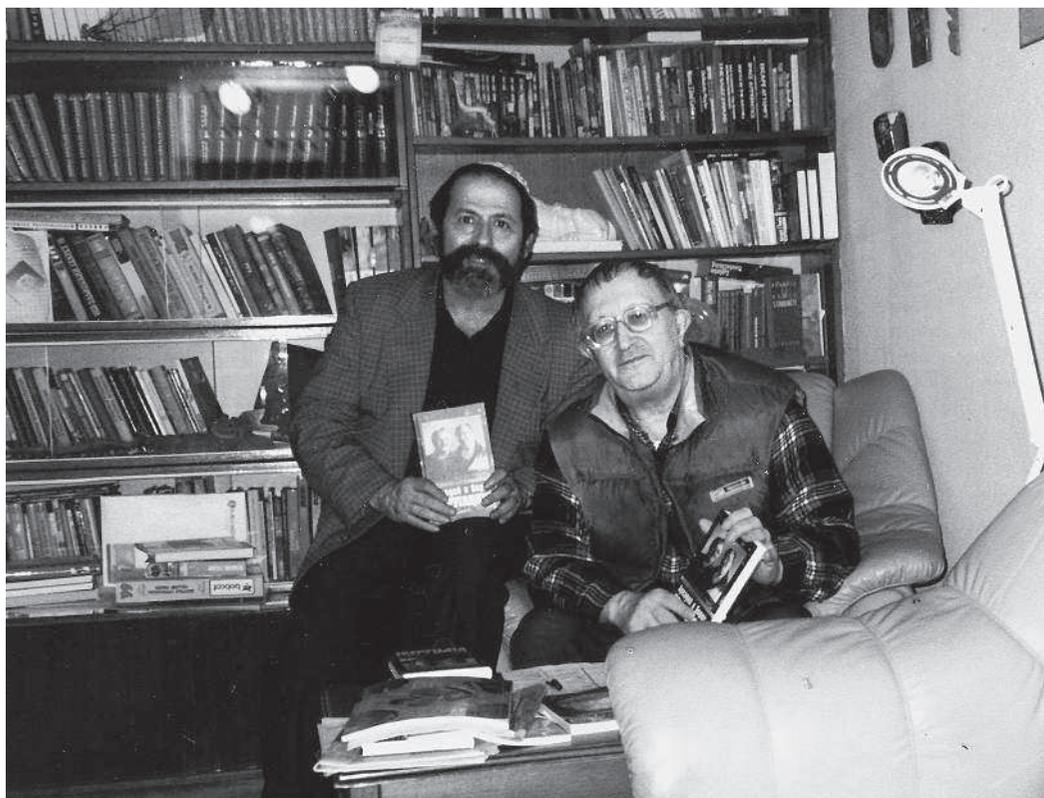

*Обложка издания
«Обитаемый остров».
1971 г.*

*Борис и Аркадий Стругацкие.
Москва, 1983 г.*

¹ Хотя, как неоднократно напоминал Борис Стругацкий, Антон — еще не прогрессор, а только наблюдатель. Во времена Антона-Руматы прогрессоров не было, Земля еще только отработывала методiku прогрессорства, и Румата — по исходному заданию своему — был не более чем накопитель информации. До настоящего прогрессорства было еще далеко — лет пятьдесят минимум, поэтому герои повести «Трудно быть богом» ошибались всякий раз, как начинали действовать. (По материалам оффлайн-интервью Бориса Стругацкого.)

Стругацкие. Но при всем при том мы, конечно, были очень разными людьми. Хотя в разное время у нас были разные отличия — в последние годы, например, мы стали похожи друг на друга так, как становятся похожи долго прожившие вместе супруги. Аркадий Натанович был более общительным и более веселым человеком, чем я, он был оптимистом, всегда верил в лучший исход — а я всегда исходил из худшего. Он был педантичен и аккуратен — а я ленив и небрежен. Он был эмоционален и склонен к экспромтам, я — более логичен и расчетлив. Он был отчаянный гедонист и всю жизнь пользовался невероятным успехом у женщин — я никогда не отличался этими качествами...

— О вашем методе совместного написания книг сложено великое множество легенд. Начиная с того, что вы с братом, живущие соответственно в Ленинграде и Москве, встречаетесь в буфете станции Бологое, напиваетесь чаю и садитесь писать, и заканчивая тем, что Аркадий Натанович представ-

лял собой столь брызжущий идеями фонтан, что только вы могли его остановить и заявить: «Стоп! Это мы записываем» — и начиналась Книга...

— Враки это все, Боря! Легенду о буфете в Бологом я и комментировать не буду — тем более что есть значительно более сочная: Стругацкие съезжаются на подмосковной правительственной даче, накачиваются наркотиками до одури — и за машинку... А что касается нашего творческого метода, то, во-первых, Аркадий Натанович вовсе не был никаким «фонтаном», нуждающимся в затыкании. Конечно, он был прекрасным рассказчиком, всегда верховодил на любом застолье, когда он был в ударе, рассказы складывались у него как бы сами собой, и все они были блестящими и готовыми к немедленной публикации. Правда, в последние годы он сделался гораздо менее разговорчив и куда более сдержан... А работали мы всегда именно так, как всем честно рассказывали, — хотя в это никто почему-то не верит: слово за словом,

*Борис Вишневский
и Борис Стругацкий.
2003 г.*

фраза за фразой, страница за страницей. Один сидит за машинкой, другой рядом. Каждая предлагаемая фраза обсуждается, критикуется, шлифуется и либо отбрасывается совсем, либо заносится на бумагу. Другого разумного способа нет! А этот, между прочим, вовсе не так сложен, как некоторым кажется.

— *И все-таки: какое-то «разделение труда» у вас было?*

— В основном последние лет двадцать пять оно было таким: Аркадий Натанович сидел за пишущей машинкой, а я — рядом, сидел или лежал на диване. Иногда ходил. Аркадий Натанович утверждал, что я печатаю плохо и неаккуратно. Ну и я с удовольствием соглашался с такой оценкой моих способностей. Рукописи у меня и вправду всегда получаются довольно неряшливыми, с кучей поправок, опечаток и ляпов. Аркадий Натанович, который много лет проработал редактором, всего этого разгильдяйства совершенно не терпел и стремился к тому, чтобы рукопись представлялась в издательство в идеальном виде, — отсюда его желание сидеть за машинкой лично. У нас было правило: окончательный вариант перепечатывался начисто в двух, а то и в трех экземплярах, первый — в издательство, остальные — в архив.

— *Часто ли у вас с братом возникали споры?*

— Вся наша работа была сплошным спором. Если одному из нас удавалось убедить другого в своей правоте — прекрасно. Если нет — бросался жребий, хотя это случалось довольно редко. У нас существовало простое правило: кому-то из соавторов не нравится фраза? Что же, это его право, но тогда его обязанность — предложить другую. После второго варианта может быть предложен третий, и так далее до тех пор, пока не возникает вариант, в ответ на который предлагать уже нечего. Или незачем.

— *Кому чаще удавалось убедить другого?*

— В литературной работе я бы не взялся устанавливать какую-то статистику. Другое дело — обычные споры за рюмкой чая. Там чаще побеждал я, потому что был всегда более логичен, а Аркадий Натанович — более эмоционален.

— *Много лет в предисловиях к вашим книгам указывалось, что Аркадий*

Натанович — переводчик с японского, а вы — астроном. Как вы считаете, «отпечаталась» ли такая нестандартная профессия на его личности — и на вашем творчестве?

— В первую очередь она повлияла на тот багаж знаний, который у него был. Аркадий Натанович очень много знал и очень много читал, у него была прекрасная библиотека на японском. Ему очень нравилось переводить, по мнению многих, он был одним из лучших переводчиков с японского. Но когда говорят, что все «японское», что есть в наших произведениях, — это от Аркадия Натановича, а все астрономическое — от меня, то здесь все с точностью до наоборот! Если взять японскую поэзию, которая частенько присутствует в нашем творчестве, то в ней как раз, так сказать, специалистом был именно я. Аркадий Натанович был равнодушен к стихам, а моей жене когда-то подарили томик японской поэзии, и из него я постоянно извлекал подходящие к случаю строчки и эпиграфы. В свою очередь Аркадий Натанович превосходно разбирался в астрономии и прочитывал все, что выходило в этой области. Он вообще любил астрономию с детства — ведь именно он приучил меня к ней, он, школьником, делал самодельные телескопы, наблюдал солнечные пятна и учил меня этим наблюдениям. Так что 90 процентов астрономических сведений в наших книгах (за исключением самых специальных) — именно от него... Между прочим, нежную любовь к хорошей оптике он сохранил до конца дней своих. Вы не могли сделать ему лучший подарок, нежели мощный бинокль или какую-нибудь особенную подзорную трубу.

— *Есть еще известная легенда, что Аркадий Натанович был настолько добрым человеком, что всем начинающим писателям, и очень многие пользовались этой его добротой...*

— Это как раз не легенда, а святая правда: он действительно с таким сочувствием относился к начинающим писателям, что привлечь его на свою сторону было крайне легко. Я — другое дело, я более жесткий человек, хотя тоже иногда иду на поводу у молодого таланта. А когда я начинал ругать Аркадия Натановича за излишнюю мягкость, он отвечал: ведь от

этого никто не пострадает, а человеку приятно, человек-то славный, надо же ему помочь. Впрочем, многое у него зависело от настроения в данный момент. Не дай бог вам было попасть ему под горячую руку — он мог быть и резок, и свиреп.

— *Обладал ли Аркадий Натанович способностью предвидеть будущее, особенно — ближайшее?*

— Думаю, что нет — так же, как и все прочие: таким даром не обладает никто. Предсказать, что случится в ближайшие 3—4 года, можно только случайно. Общую тенденцию указать несложно, — а вот сделать конкретный прогноз...

— *А когда вы с Аркадием Натановичем все-таки решались на прогнозы — они у вас совпадали?*

— Принципиальных разночтений я не помню. Может быть, к концу жизни Аркадий Натанович стал более пессимистичен, чем я, — но эта разница была чисто количественной, а не качественной. Вообще-то, он был добр не только к людям, он был добр к человечеству, а значит — к будущей его истории.

— *Что Аркадий Натанович больше всего любил — и чего не терпел?*

— На этот вопрос трудно ответить однозначно: Аркадий Натанович 60-х годов и Аркадий Натанович 80-х годов — это два разных человека. Если говорить о последнем десятилетии, то он больше всего ценил покой, стабильность, устойчивость. То, чего ему всю жизнь больше всего не доставало. И соответственно, не любил он всевозможные передряги, встряски, сюрпризы и катастрофы.

— *Тот период нашей истории, на который пришлось последнее десятилетие жизни Аркадия Натановича, кажется, не отличался особыми катаклизмами и теперь именуется «застоем»... Полная стабильность — чего же еще?*

— Аркадий Натанович ценил стабильность, но не любил гниения! Мы иногда с ностальгией вспоминаем о застое, когда все было так спокойно и устойчиво, но забываем, что это было спокойствие гниющего болота. Конечно, если бы вопрос встал так: такое вот гниение — или мировая война, в результате которой погибнет половина человечества, Аркадий Натанович выбрал бы гниение. Но между гниением и эволюционными бескровными изменениями он,

конечно, выбрал бы последнее, хотя прекрасно понимал, что это такое: жить в эпоху перемен.

— *Его нелюбовь к «передрягам» связана с тем, что пришлось испытать в жизни, особенно в военные годы?*

— Судьба трепала его без пощады, особенно в первой половине жизни, — блокада, эвакуация, армия, бездомная жизнь, армейские будни, всевозможные «приключения тела»... Но нелюбовь его к передрягам — это все-таки скорее свойство возраста. В молодые-то годы мы оба с ним были р-р-радикалами и р-р-революционерами с тремя «р». Любителями быстрого движения истории, резких скачков и переломов. С годами приходит стремление к покою, начинаешь ценить его и понимать всю неуютность исторических передряг. Без перемен — никуда, они нужны и неизбежны, — но их следует воспринимать как неизбежное зло, как горькую расплату за прогресс. Но это мы осознали позднее, а в молодости любые перемены казались нам прекрасными уже потому, что обещали новое. «Тот, кто в молодости не был радикалом, — не имеет сердца, кто не стал в старости консерватором — не имеет ума».

Когда ушел Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий скажет: «Я всю жизнь пилил бревно двуручной пилой — и мне уже поздно да и незачем переставаться».

Несколько лет у него ушло на приведение в порядок архива, восстановление неимоверного количества сделанных когда-то по цензурным требованиям «лакун», подготовку первого («белого») собрания сочинений. Каждый второй понедельник месяца проходил неизменный «семинар Бориса Стругацкого», через который прошли едва ли не все питерские фантасты нынешней волны. Очень много времени отнимало членство в жюри нескольких литературных премий, чтение рукописей, представленных на конкурс и поступивших в редакцию журнала «Полдень. XXI век», который Борис Натанович создал и бессменным главным редактором которого он был.

И все же правы оказались те, кто верил: их любимый писатель, даже оставшись один за двоих, медленно и трудно, но начал писать. Правда, под

псевдонимом С. Витицкий — но все знали, чей это псевдоним. Вышло два романа: «Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики» и «Бессильные мира сего».

И, наконец, Борис Стругацкий все чаще и чаще выступал в роли комментатора политических событий. Он вел офлайн-интервью — в котором читатели постоянно просили мэтра объяснить, как братьям Стругацким столь точно удалось предвидеть грядущее, дать оценку происходящего, снова и снова спрашивали: что же ждет страну в ближайшие десять — двадцать лет. Многих просто интересовало: каково это — видеть, как сбывается написанное?

Действительно, многие повести братьев Стругацких читатели воспринимали в новых условиях как пророческие. Сперва — в 1990-х — это были «Хищные вещи века», потом — в 2000-х — «Град обреченный» (как считал сам Борис Стругацкий в 2011 году, сравнивая тогдашнее время с Городом эпохи Фридриха Гейгера, где «возражать высокому начальству можно, это не есть „неслыханный подвиг“, но стоит ли рисковать? Пользы не будет никакой, это очевидно, а неудовольствие большого человека вызвать можно. „Умные нам не надобны, надобны верные“»).

Ну а когда Борис Стругацкий ушел от нас, пророческим стал «Обитаемый остров», рисующий жутковатый образ тоталитарного мира, где власть держится на «промылке мозгов», на тщательной воспитываемой преданности к вождям и ненависти к врагам, которыми объявлены «выродки», не восприимчивые к излучению башен, заставляющему всех прочих «терять способность к критическому анализу действительности», превращая «человека мыслящего в человека верующего, причем верующего испуленно, вопреки бьющей в глаза реальности». Где все поставлено на службу Государству, безраздельно властвующему над жизнью любого. Где крайняя нищета в «Районах, Еще Не Достигших Процветания» сочетается с фанатичной верой в необходимость отдавать все силы на нужды обороны от коварных врагов, как внешних, так и внутренних. Где к бывшим провинциям старой империи, провозгласившим независимость в тяжелые времена,

относятся так: «Вернуть гадов в лоно, предварительно строго наказав». Не это ли мы видели в сталинские времена — и не это мы видели в последние годы, когда массы требовали то «мочить в сортире» Чечню, то двинуть танки на Тбилиси, то «идти на Киев»? Комментируя происходящее в стране, Борис Стругацкий всегда оставался убежденным либералом. При этом его было не разубедить в том, что Егор Гайдар все делал правильно, а Борис Ельцин был сторонником демократии и защитником свободы слова. «Главное — чтобы не пролилась кровь», — говорил он в 1993-м, поддерживая в очередной раз действия Ельцина. Но вот в декабре 1994 года кровь пролилась — российские войска вошли в Чечню. На вопрос «Как вы считаете, Рубикон перейден?» Борис Стругацкий ответил, что проблема Чечни для него — «некий камень преткновения», хотя он всячески протестовал против насилия на Северном Кавказе. Но от Ельцина все же не отвернулся — лишь заметил, что «президент сыграл нелучшую партию». И выборы 1996 года — со всей их потрясавшей тогда нечестностью — не заставили его поменять свою точку зрения. Потом пришла путинская эпоха, которую Борис Стругацкий встретил со сдержанным оптимизмом: полагал, что новый президент — «идеальный образ царя, которым его видит средний человек». Молодой, энергичный, скромный, непьющий, хорошо говорящий — «последняя надежда» в глазах огромного числа людей на то, что все, наконец, «устанкнется» и что он часто дает «посылки», укрепляющие такую надежду. А что бывший сотрудник КГБ — так он, Борис Стругацкий, всегда говорил, что «в нынешней России высший пост может занимать только бывший партайгеноссе или силовик». Однако, по мере наступления «вертикали», его оптимизм уменьшался. И если весной 2005-го в одном из интервью он заявлял: «до тех пор, пока мы с вами имеем возможность разговаривать так, как сейчас, и пока существует в стране хоть дюжина изданий, готовых эти разговоры опубликовать, — до тех пор «свобода слова у нас есть», то уже через два года — в 2007-м — он констатирует: «всеобщая „вертикализация“ последних лет подействовала на независи-

мость СМИ (а значит, и на степень демократизации страны) самым разрушительным образом». А затем, в 2011-м, скажет: «Возвращение в совок УЖЕ совершилось. От классической брежневской системы нас отделяет наличие нескольких СМИ, которым разрешено пока существовать независимо от власти и наперекор этой власти. Для того чтобы прекратить эти явно экстремистские упражнения достаточно небольшого „триумфа воли“, и вопрос можно было бы решить в два дня. Когда (и если) потребность власти в существовании демократической витрины исчезнет, исчезнет и сама витрина, и это есть характернейший признак победившего совка». Все то время, пока Михаил Ходорковский провел в заключении, Борис Стругацкий внимательно следил за его судьбой. Вот что он писал о «деле Ходорковского»: «это старый добрый дух благословенного „тридцать седьмого“: бей, добывая, в лагерную пыль, до

третьего колена... Логика тоталитаризма: Власть — это Страх». А позже добавлял: «еще несколько шагов в этом направлении, и мы вернемся в полностью авторитарное государство, совершенно не способное ни к чему, кроме реализации разнообразных „сверхпроектов“, вроде всеобщей милитаризации экономики или грандиозных поворотов рек. Все это мы уже проходили и хорошо знаем, чем это кончается». Кстати, заметным событием стала публикация в 2009 году в «Новой газете» так называемых «Фантастических писем» — переписки Стругацкого с Ходорковским, которую опальный олигарх вел из лагеря, передавая свои письма через адвокатов. Но увидеться им было не суждено: Ходорковский вышел на свободу лишь через год после кончины Бориса Стругацкого... И все же Борис Стругацкий не терял надежды на лучшее. Считал, что тоталитаризм «ТОЧНО не вечен, даже

самый глухой и безнадежный. Поэтому перспектива — есть. И надо делать все, от тебя зависящее, чтобы эту перспективу приблизить». И был уверен, что очередная политическая оттепель «неизбежна так же, как и весенняя». Трудно переоценить то влияние, которое оказал Борис Стругацкий на петербургских писателей, на тех, кто был знаком с ним много лет, кто посещал его семинар. «Семинаристы» именовали его не иначе как мэтр и Учитель — именно так, с большой буквы. Его уход из жизни каждый из учеников и друзей воспринял как личную утрату.
Вспоминает Борис Вишневский:
«...В последний год своей жизни БНС предпочитал давать интервью при помощи электронной почты, а навещать его можно было только изредка. И из дома он выходил только для того, чтобы пройти в больнице очередную „профилактику“. В апреле 2012-го на мое поздравление с днем рожде-

Борис Вишневский и Борис Стругацкий. 2011 г.

ния и пожелание здоровья он ответил лаконичным „Постараюсь!“. А в августе, прочтя мой блог на сайте „Эха Москвы“ — с параллелями между нашим „национальным лидером“ и доном Рэбой из „Трудно быть богом“, в финале книги превращающимися в „епископа и боевого магистра“ и „наместника Святого Ордена в Арканарской области“, написал мне: „Спасибо, Боря! Очень метко. Хотя, признаюсь, авторы целились совсем в другой типаж“. В какой типаж — я, каюсь, так и не спросил. Но гениальное „Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные“ вспоминаю постоянно...

Обсуждать свое здоровье он категорически не любил и на все вопросы отвечал или „удовлетворительно“, или „более-менее“. А когда его спрашивали о планах на будущее, он обычно цитировал Льва Толстого, отвечая „ЕБЖ“ (если буду жив)... Ноябрь 2012 года он провел в больнице в тяжелейшем состоянии — к давним сердечным проблемам добавилась пневмония.

Врачи делали все, что могли, — а мы, зная, насколько серьезна ситуация, все-таки надеялись на чудо. Его не случилось: вечером 19 ноября 2012 года Бориса Стругацкого не стало.

На следующий день мы с Кириллом Страховым и Андреем Циркуновым при-

*Борис Стругацкий.
2011 г.*

ехали к дому Бориса Натановича на улице Победы. Сделали его портрет, вставили в рамку, поставили около парадной, положили цветы, поставили свечу. Еще днем на стене дома кто-то из журналистов повесил рукописный плакат: „Б. Н. Стругацкий. 15.04.1933 — 19.11.2012“.

Двойная звезда «братья Стругацкие» перестала гореть.

Но ее свет будет с нами всегда.